

ЗАКОНЫ ИКЕБАНЫ

роман

Доктор Сойфер Пётр

Петр Сойфер

Законы икебаны

<https://litres.ru/74274247>

SelfPub; 2026

Аннотация

Инспектор Марко Валленти — вдовец, выгоревший, привыкший искать порядок в хаосе, — расследует серию убийств, в которых нет ни ярости, ни борьбы. Только идеальная композиция: срезанный цветок в застывших женских руках, безупречный угол наклона головы, ни пылинки вокруг. Убийца не оставляет следов — он оставляет искусство.

За каждым телом стоит логика древней японской икебаны: Небо, Человек, Земля — три вектора, три жертвы, и недостающий связующий побег, Хинги, который завершит композицию. Пока город требует простого ответа, а прокурор торопит с арестом, Валленти идёт по следу воска, флористики и одной безупречной витрины на набережной — туда, где его ждёт человек, для которого люди — не более чем материал, лишённый права увядать.

«Законы икебаны» — детектив о хрупкой границе между порядком и одержимостью, о горе, которое можно превратить в контроль, и о цветах, которые не должны были становиться надгробиями.

Содержание

ПРОЛОГ. Пустая ваза	5
Глава 1. Инспектор и его призрак	9
Глава 2. Идеальный угол	11
Глава 3. Выбор материала	14
Глава 4. Ложный след	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Петр Сойфер

Законы икебаны

ЗАКОНЫ ИКЕБАНЫ

новелла

Доктор Сойфер Пётр

ПРОЛОГ. Пустая ваза

Он не помнил её лица. Помнил только отсутствие.

Дом, в котором рос Антонио, был большим и тихим — так тихо не бывает в домах, где кто-то счастлив. Высокие потолки съедали звук шагов. Мебель стояла вдоль стен ровными интервалами, будто расставленная по линейке, и между креслом и торшером всегда оставался один и тот же промежуток — отец однажды заметил, что сын передвинул торшер на пять сантиметров, чтобы удобнее было смотреть в окно, и молча вернул его на место, не сказав ни слова. В доме не хлопали дверями. Не смеялись громко. Даже посуда, когда её мыли, звякала как-то приглушённо, будто кто-то заранее решил, что звук — это лишнее.

Мать была единственным пятном тепла в этом доме, и оттого её редкие прикосновения запоминались телом дольше, чем лицом. Она напевала что-то без слов, когда думала, что её никто не слышит, и в один из вечеров — Антонио было чуть больше двух — она посадила его на подоконник и дала поддержать полевой мак, ещё живой, с каплей росы на лепестке, и сказала: «Смотри, как он дрожит. Значит, живой». Он не запомнил её голоса. Запомнил именно это — дрожь лепестка под пальцами и тепло её ладони поверх его руки, единственное объятие, которое сохранила память тела, а не лицо.

Отец не был жесток. Это было бы проще — жестокость хотя бы оставляет след, к которому можно приложить боль и назвать её. Отец был точен той точностью, в которой самого его как будто не было. Он завтракал в одно и то же время, застёгивал пиджак на все пуговицы, даже дома, и говорил с сыном так, как говорят с младшим сотрудником, — коротко, по существу, без интонации. Ни разу за первые три года жизни Антонио отец не взял его на руки при свидетелях. Ни разу не сказал ему «люблю». В доме не было модели, с которой можно было бы считать: вот так выглядит нежность, вот так — испуг, вот так утешают, когда больно. Ребёнок, у которого нет перед глазами чужой боли, не может научиться узнавать свою. Эмпатии неоткуда взяться там, где никто никогда не показал, как она выглядит.

В три года Антонио Моретти проснулся в пустом доме. Простыня на его собственной кровати была холодной — окно на ночь оставили приоткрытым, и сквозняк за ночь выстудил комнату, но он не заплакал и не позвал никого: в этом доме на плач никто не прибегал бегом, и тело усвоило это раньше, чем сознание. Кровать матери в соседней комнате была застелена с подозрительной аккуратностью, как будто кто-то заранее подготовил сцену для его пробуждения — уголки одеяла заправлены строго вовнутрь, подушка взбита ровным полукругом, ни складки, ни вмятины от тела. На комодѣ стояла ваза — высокая, узкогорлая, из мутного стекла. Вчера в ней были полевые цветы, те самые, дрожащие. Сегодня

она была пуста. Не разбита, не опрокинута. Просто пуста, вымыта, поставлена ровно по центру салфетки. Это было хуже разрушения: разрушение хотя бы кричит о себе.

Отец молча ввёл его в кухню — тоже холодную, с каменным полом, по которому босые ступни мальчика оставляли короткие влажные следы, исчезающие раньше, чем он успевал дойти до стула. Мужчина держал в руках чашку, но не пил. Пар поднимался, рисуя хаотичные спирали над тёмной поверхностью кофе, и Антонио, ещё не зная слова «энтропия», уже не по возрасту внимательно следил за этим паром — за тем, как форма рождается и тут же рассыпается, — и почувствовал, как его охватывает отвращение к этому беспорядку.

— Живое — ненадёжно, — сказал отец, не глядя на сына, глядя в пар над своей чашкой, будто разговаривал с ним, а не с ребёнком. — Оно предаёт и гниёт. Надёжно только то, что создано руками человека.

Он не обнял сына после этих слов. Не присел на уровень его глаз. Отвернулся к окну и долил в чашку воды, которую так и не выпил.

Мальчик кивнул. Он не плакал — плакать в этом доме было некуда, некому и не перед кем. В его сознании что-то щёлкнуло — не сразу, не громко, но окончательно, так тихо, как здесь щёлкали все двери. Эмоции стали опасны, раз именно они, кажется, увели мать из дома. Люди — ненадёжны. Форма — единственное спасение, потому что фор-

ма, в отличие от матери, не может однажды утром просто не проснуться на своём месте.

Тридцать шесть лет спустя, стоя в руинах своей фабрики эксклюзивной мебели, Антонио вспомнил эту вазу. Жена ушла к другому. Суды отсудили дело всей его жизни. Мир вокруг превратился в гниющий хаос, и он понял: мебель была ошибкой. Мёртвая древесина, камень, металл — всё это лишь имитация порядка. Настоящий хаос нёс в себе жизнь.

В Киото, в школе Согэцу, он нашёл ответ. Икебана — путь цветов. Не европейская свалка растений в ведро, а укрощение живого через смерть. Срезанный стебель, зафиксированный проволокой, подогнутый под углом, замороженный в идеальной линии. Цветок, лишённый возможности увянуть, обретал вечность.

И тогда Антонио посмотрел на прохожих женщин и подумал: а что, если применить законы икебаны к самому совершенному — и самому ненадёжному — материалу?

АКТ

I

. ГЕНЕЗИС

Глава 1. Инспектор и его призрак

Марко Валленти проснулся в четыре утра от запаха лаванды.

Это был не настоящий запах — Клаудии не было в доме уже три года. Но иногда, в тот самый момент, когда сон отпускал, он улавливал её аромат: шампунь, которым она пользовалась последние месяцы, когда химиотерапия отняла у неё чувство вкуса, но не уничтожила привычку ухаживать за собой. Валленти лежал в темноте и считал дыхание. Семь вдохов. Он научился приходить в себя за семь вдохов.

Клаудия умерла не сразу. Она умирала частями: сначала перестала узнавать лица, потом — имена, потом — его. Валленти проводил дни в больницах, изучая протоколы, схемы лечения, расписания процедур. Он искал порядок в хаосе, который разъедал её мозг. Не нашёл. Хаос победил, как всегда побеждает. И оставил его один на один с беспорядком собственной квартиры — книгами, сложенными в произвольных стопках, невытой посудой, хаотичной жизнью.

Телефон зазвонил в 5:47.

— Валленти. Говорите.

— Инспектор, это дежурный. Тело. Вилла «Марина». Срочно.

Он оделся за три минуты. Пистолет, значок, прокуренный пиджак, который он не отдавал в химчистку, потому что Кла-

удия ненавидела запах чистки. На выходе он взглянул в зеркало — растрёпанные седые пряди, мешки под глазами, губы, сжатые в тонкую линию, которую он сам называл «профессиональной хмуростью».

Глава 2. Идеальный угол

Рассвет над Сан-Лоренцо был розовым и лживым.

Дом стоял вторым этажом над обрывом, там, где сосны у самого края уже наклонились от многолетнего ветра, будто кланялись морю против воли. Штукатурка на фасаде отслаивалась крупными чешуями цвета топлёного молока, и под ними проступала кладка — рыжий туф, впитавший соль за полвека простоя. Ставни на нижних окнах были сорваны с одной петли и стучали редко, невпопад, как метроном, который забыли выключить. Пахло здесь не морем, а йодом и гнилой листвой из водостока, забитого хвоей ещё с прошлой осени. И только на балконе, там, где сидела Джулия, воздух был другим — сухим, будто кто-то заранее проветрил именно этот квадратный метр пространства, вынес отсюда всё, кроме тишины.

Валленти стоял на этом балконе заброшенной виллы «Марина» и смотрел на тело. Девушка сидела на белом плетёном кресле, словно застывшая в ожидании. Её голова была запрокинута под углом ровно сорок пять градусов. Платье — шёлк цвета слоновой кости — ни на миллиметр не сдвинулось с идеальной оси тела. Руки сложены на коленях. В них — сухая ветка сакуры, будто выточенная из слоновой кости.

— Джулия Романо, — буркнул сержант Бенедетти, появляясь рядом. Он был молод, толст и непроходимо добросо-

вестен. — Девятнадцать. Дочь того самого Романо, строительного магната. Пропала вчера вечером после вечеринки на яхте.

Валленти присел на корточки. Он видел сотни трупов за двадцать лет службы, но никогда — такого. Обычно смерть оставляла следы хаоса: разбросанные волосы, задранная одежда, неестественные позы, в которые тело загоняла агония. Здесь же царила... композиция.

— Наркотики? — спросил кто-то из молодых криминалистов.

— Нет следов инъекций. Глаза чистые. Да и не так умирают наркоманы, — Валленти замолчал.

Судмедэксперт, пожилой доктор Феррара, поднял голову: — Усыплена. Скорее всего, медицинским эфиром. Нет следов борьбы, нет ссадин. Она просто... уснула здесь. А потом её кто-то поставил.

— Поставил?

— Именно. Поза натуральная, но слишком идеальная. Кто-то работал с телом после смерти. Минимум час. Смотрите — волосы уложены. Под платьем... — Феррара осторожно приподнял подол. — Под платьем нет белья. Но нет и следов сексуального контакта. Он раздел, одел заново, расчесал. Это не убийство. Это... монтаж.

Валленти вышел на край балкона. Море билось о скалы внизу. Ветер трепал занавески внутри виллы — рваные, пропахшие плесенью, они цеплялись за оконные рамы, как чьи-

то забытые здесь платья. Но кресло, на котором сидела Джулия, было вычищено до блеска. На мраморном полу вокруг него — ни пылинки, ни следа. Только границей, ровно там, где заканчивался квадрат вычищенного мрамора, начиналась многолетняя пыль запустения — резкая, будто прочерченная линейкой.

Убийца принёс сюда своё кресло. Свою сцену.

Глава 3. Выбор материала

От лица Антонио Моретти

Она двигалась неправильно.

Я наблюдал за ней три недели. Джулия Романо — длинная шея, профиль — как у античной статуи, рост сто семьдесят два сантиметра, соотношение плеч и таза — один к шести. Но когда она ходила, её тело совершало лишние движения. Смеялась — наклонялась вперёд, нарушая ось. Жестикулировала — руки рисовали хаотичные петли. Она была прекрасна, но прекрасна хаотично. Как букет, сваленный в корзину.

Я видел её впервые в кафе у причала. Она пила капучино и болтала с подругой. Тогда я понял: она — Син. Небо. Высокое, недостижимое, стремящееся вверх. Но только если зафиксировать под углом сорок пять градусов. Только если убрать лишнее движение.

Я следил за ней до виллы. Знал, что «Марина» заброшена, что она любит туда приходить после вечеринок, чтобы «побыть одной». Живая женщина — это постоянное предательство формы. Она меняется, увядает, уходит. Но срезанная...

Медицинский эфир — легко. Я купил его у ветеринара, представившись художником, работающим с большими животными. Скупость — глупейший порок. Ветеринар даже не спросил паспорт.

Я внёс её в виллу. Она была лёгкой, как пустая ваза. Я очистил балкон, вымыл пол, протёр кресло. Раздел, одел заново — шёлк ложится лучше, когда тело не сопротивляется. Я расчесал волосы, вывернул ладони кверху, положил в них ветку сакуры, срезанную в моём саду и обработанную воском. Угол сорок пять градусов. Ровно.

Когда я уходил, она уже была вечностью. Она больше не могла измениться. Не могла уйти. Не могла предать.

Глава 4. Ложный след

«Наркотическая передозировка с элементами ритуала!»

— кричал заголовок в «Курьере Сан-Лоренцо».

Валленти сидел в кабинете начальника комиссариата, комиссара Бруни, и чувствовал, как старое кресло скрипит под ним.

— Прессе нужна версия, Марко. У нас мэр в панике, у нас сезон, у нас тысячи туристов, которые готовы отменить бронирования.

— Это не передозировка, комиссар. Это убийство.

— Доказательства?

— Отсутствие следов борьбы, идеальная постановка, растение, которое не растёт в нашем климате. И убийца, час провозившийся с телом после смерти.

Бруни потёр переносицу:

— У нас есть задержанный. Лука Ферретти, местный торговец. Вчера вечером его видели рядом с виллой. В кармане — амфетамин.

— Ферретти весит сто двадцать кило и не может связать два слова без матерного слова. Вы серьёзно?

— Я серьёзно говорю о давлении. Мы выпускаем Ферретти под подписку, даём прессе картинку, выигрываем время.

Валленти встал.

— Вы хотите повесить это на наркоторговца, чтобы тури-

сты не испугались?

— Я хочу, чтобы вы нашли мне настоящего убийцу за три дня. Иначе дело уйдёт в Геную. И вы за ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.